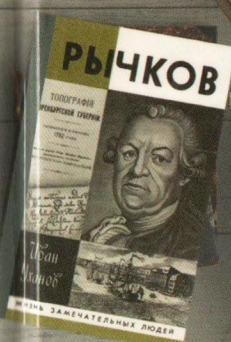
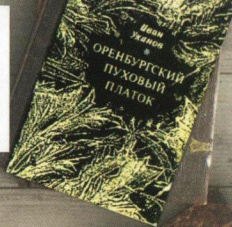

Op84
y89
A-372811-KP

ИВАН УХАНОВ

ИЗБРАННОЕ

ОРЕНБУРГСКИЙ ПУХОВЫЙ ПЛАТОК. ЗАКАТ ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ?

Петра Рычкова называют зачинателем и насаждителем этого славного промысла в нашем казачьем войске, который кормит не одну тысячу народа...

В. Попов, краевед

1

Приезжая в родительский дом, я каждый раз как бы заново встречаюсь с ним. Посидишь на чистеньких, до желтизны выскобленных ступеньках крыльца, постоишь возле голубых тесовых ворот с резным карнизом и деревянными конями на обеих створках, заглянешь в увенчанный дубовым замоховелым срубом колодец, из мглистой глубины которого дохнет в лицо вековой прохладой, — и вдруг подкатит к сердцу какая-то сладко-щемящая светлая грусть. И кажется, что старая изба всегда помнит, ждет меня и каждый раз норовит порадовать свиданием с детством.

Как-то на чердаке, где пахнет старой пылью, опилками и сухим березовым веником, я наткнулся на самодельный ткацкий станок. Бабушка, да и мама, ткали на нем когда-то. Немудрящие деревянные детали станка украшала затейливая резьба.

Попросил маму показать самотканое полотно. Она вынула из сундука несколько полотенец. Одно из них подарила мне. Как же я раньше не знал о них? Сколько лет пролежали в сундуке!.. Белая прочная холстина, а по краям — нарядная вышивка: гребенчатые ромбики, звездочки, трилистники...

Экая прелесть! — подивился я, принимая от мамы полотенце. Я не посмел употребить его по назначению и повесил возле своего письменного стола, рядом с книгами.

Однажды приехала мама в город, в гости к нам, увидела свое произведение в красном углу и сказала:

— Чего это полотенцем-то моим не утираетесь? Без дела висит.

— Жаль, — говорю, — красоту такую губить, для бани и кухни есть у нас фабричные полотенца.

У мамы вдруг глаза повлажнели.

— Спасибо, сынок, — помолчав, сказала она тихо.

Посидев немного в раздумье, опять заговорила о подаренном полотенце:

— Пошто оно тут, как в музее... А вы пользуйтесь им.

Слушал я маму и думал: вот уж правда, не для музеев и не на показ создавали свои изделия народные умельцы, а чтобы в быту их применять. Будь то сарафан, кружевная скатерка, расписная солонка, ложка, прялка, вышитый рушник — все это прежде всего необходимые бытовые предметы, в которых нуждается не один любитель-эстет, а множество людей.

Как-то декабрьским выюжным вечером мама снова приехала навестить нас. Явилась, как всегда, с гостинцами. Сперва достала из сумки поджаренные семена тыквы и подсолнуха, банку соленых груздей. Потом вынула и легким движением развернула большой пуховый платок. Дымчато-серый, нежный, пушистый. Накинула невестке на плечи — красота!

— Вот и носи, доченька, на здоровье. А то бегаете тут в городе в шапчонках...

— Спасибо. Какой красивый!

— В молодости я их много вязала, а теперь времени нет, да и стара, глаза устали... Красивый? Да ну... Вам

бы к соседям нашим в Новомусино заглянуть или в Саракташ. Вот там вязальщицы!

Рассматривая узор каймы, я все более убеждался, что в руках у меня не просто платок — часть одежды, а искусная работа, произведение. И, пожалуй, именно та встреча и долгий неторопливый разговор с матерью в зимний вечер разбудили во мне какой-то новый интерес к оренбургскому пуховому платку — уникальному созданию народных мастериц.

Во многих селениях Оренбуржья о пуховом платке говорят как о привычной и обыденной вещи. Да и вязка его не представляет тайны: чуть ли не в каждом сельском доме платки вяжут. На мои расспросы некоторые мастерицы так и отвечали...

— У нас тут всегда платки вязали, и мы теперь вяжем...

— Да что о нем говорить? Всюду он известен, наш красавец.

Но отчего же тогда всякий раз обновленно светлеет и радуется душа, отчего охватывает тихий трепет нежности и удивления, когда берешь в руки оренбургский ажурный пуховый платок? Отчего желанным экспонатом входит он в залы международных выставок произведений декоративно-прикладного искусства и изделий народных умельцев? Почему так страстно охотятся за ним заморские щеголихи, а композиторы и поэты слагают о нем песни? Где истоки этой неветреной славы? Когда и кто впервые начал вязать пуховые платки?..

Начни спрашивать, дознаваться — много вопросов набегит. А где взять ответы?

Вологодское кружево, расписная хохломская утварь, богородская деревянная игрушка, изделия кубачинских златокузнецов и мастеров Палеха, ворновско-кудринская резьба... Об этих народных художественных промыслах сотни книг написаны. Оренбургский пуховый

платок, как ни странно, не стал пока предметом серьезных исследований искусствоведов и литераторов.

Первые сведения об изделиях из козьего пуха, по свидетельству архивных источников, начали появляться еще в конце XVII века, когда русские, закрепившись в Сибири и на Урале, вступили в торговые отношения с местным населением.

Уральских казаков заинтересовала одежда калмыков и казахов, которые пригоняли на продажу скот и привозили кое-какие продовольственные товары. В лютую стужу и колючий северяк, когда даже русская шуба плохо держала тепло, калмыки гарцевали на своих низкорослых лошадках в легкой с виду одежде из козьих шкур и войлока. Целодневно в степи, под открытым небом... «Как же они терпят такой холодище собачий в своей скудной одежонке?» — дивились казаки.

Дивились до той поры, пока не обнаружили, что у скотоводов под легкими шубейками теплые поддевки-телогрейки и шарфы, связанные из мягкого шелковистого пуха. Возьмешь в руки шарф — невесом, но укутаешь им шею и плечи — благодать: такое легкое невыдуваемое тепло никакая шуба не подарит. Изделия из пуха казаки стали выменивать на табак и чай...

— А кто, когда придумал коз чесать? — спросил я однажды знатного оренбургского чабана Габдрашида Халниязова.

Габдрашид посмотрел на меня снисходительно добрым взглядом, словно на ребенка, который вдруг решил узнать о том, когда люди стали есть и пить.

— Я всегда, всю жизнь чесал... И дедушка чесал, — скупно сказал Габдрашид как о прописной истине. Потом на его лице появилась виноватая улыбка, в глазах — живой интерес: — Хм... И правда, кто первым догадался?

Об этом я справлялся потом у многих чабанов, но ответить они не сумели, потому что и деды, и прадеды

коз чесали с той привычкой и необходимостью, с какой пили кумыс и пасли отары.

Раньше бытовало меткое выражение: «Коза — ко-рова бедняка». Действительно, в маленьком хозяйстве коза — самое удобное и доходное животное: она устойчива к инфекционным заболеваниям, непривередлива к еде и в год дает около пятисот килограммов молока, которое по химическому составу намного богаче коровьего. Ученые уверяют, что во времена седой древности коза являлась первым молочным животным, которое приручил человек.

На страницах старинных книг по зоологии и ветеринарии встречаются рисунки, где коза изображена как кормилица младенцев. И по сей день в некоторых провинциях Греции, Египта и Африки коза нередко продолжает исполнять эту святую обязанность. И, видимо, не случайно понятие «коза» у некоторых племен рождало религиозное чувство. Желание почитать козу у древних египтян, например, проявлялось в том, что они приносили ее как редкую драгоценность в жертву богам.

На земле много коз различных пород, и живут они почти на всех материках. Белая безрогая швейцарская; маленькая аспидно-черная африканская; крупная, грациозная, с белоснежной шерстью ангорская; горбоносая грубошерстная нильская, приносящая за один окот до пяти козлят и по восьми литров молока в день; безрогая, с белой длинной шерстью альпийская; молочная немецкая... Но все эти козы лишены одного из замечательных достоинств козы оренбургской: у них нет такого пуха, как у нее.

Оренбургская пуховая коза... Когда появилась она в здешних краях?

Вопрос оставался без ответа, хотя задавал я его и специалистам областного объединения совхозов, и со-

трудникам Всесоюзного научно-исследовательского института мясного скотоводства, и местным журналистам, и чабанам. Высказывались предположения, догадки...

Поиск подвел меня к трудам Петра Ивановича Рычкова. Самый ценный из них — «Топография Оренбургской губернии» — был при содействии М.В. Ломоносова опубликован в 1762 году в учено-литературном журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Выход этого труда в свет явился заметным событием того времени. Из него в первый раз узнали важнейшие подробности об Оренбургском крае, который мало был известен не только обычной публике, но и самому правительству. По словам академика Миллера, такое «подробное описание России возможно будет только тогда, когда во всякой губернии найдется человек, прилежанием и искусством подобный Рычкову».

Сколько верст было наезжено и найдено П.И. Рычковым за сорок лет жизни на оренбургской земле! Именно здесь он, выдающийся географ России, написал десятки своих трудов, отличающихся, по отзывам А.С. Пушкина, «истинной ученостью и добросовестностью».

От наблюдательного взгляда Рычкова не ускользали мельчайшие детали оренбургской степи. Он любовно описал всех ее обитателей, а также растительность, состав почв. Одним из первых он серьезно заинтересовался козами, их шерстью и пухом. Поначалу его привлекли не домашние, а дикие козы, которые «около Яика, а особливо на Заяицкой степи табунами случаются, и так резвы, что никакой собаке угнать невозможно, разве по насту, когда собака может скакать, а они для острых копыт снег проламывают, и чрез то ноги себе обрезают. Но казаки и киргизы умеют искусно к ним подкрадываться и бьют их из ружей...»

Рычков побывал у многих пастухов, изучил достоинства диких и домашних коз, встретил в быту козоводов примитивные образцы изделий из шерсти и пуха. Вскоре в специальном докладе Академии наук он высказал предположение «извлекать еще новую выгоду из коз» — вычесывать пух и вязать из него предметы одежды.

Большой мастерицей пуховязания была Алена Денисьевна — жена П.И. Рычкова. В доме Рычковых, живших в селе Спасском Бугульминского уезда, собиралось много казачек. Долгими зимними вечерами вязали они платки.

В то время кроме козьего пуха в вязанье использовался травяной, «кипрейный» пух. Это такая трава, как писал Рычков, которой в разных местах Оренбургской губернии «растет великое множество. Плод, или семена ее, содержатся в стручках, имеющих столь белый и чистый пух, который подобен хлопчатой бумаге... Из сего пуху искуснейшие и трудолюбивые люди могут производить разные рукоделия, кои не только равняются, но в некоторых вещах еще и превосходят хлопчатую бумагу (хлопок)».

Однако собирать «кипрейник» дело нелегкое, трудоемкое, поэтому предпочтение вскоре целиком отдали козьему пуху, наиболее пригодному для изготовления теплых, прочных и красивых предметов одежды.

У калмыков и казахов вязка была сплошной, «глухой», грубоватой. Уральские же казачки, знавшие кружева и вышивание, стали использовать в вязке платка русский растительный орнамент, живые мотивы, навеянные впечатлениями местной природы.

Однажды мастерицы связали особо удачные платки — белые ажурные «паутинки». Их было решено показать в самой столице. 20 января 1770 года заседание Всероссийского Вольного Экономического общества,

подивившись прекрасным изделиям, выразило мастерам благодарность, а Алену Денисьевну Рычкову наградило золотой медалью.

Во второй части «Трудов Вольного Экономического общества» за 1766 год Рычков опубликовал исследование «Опыт о козьей шерсти». Он предлагал организовать в крае пуховязальный промысел, который даст населению многие блага.

В царской России разведение коз велось беспорядочно. Зато еще в начале XIX столетия к оренбургской козе проявили жадный интерес деловые люди за рубежом. Дороговизна изделий из козьего пуха побудила их создать по примеру оренбургского промысла свою пуховязальную промышленность.

Еще в 1824 году козий пух, закупленный в Оренбургском крае, направлялся для переработки во Францию, где фирма «Боднер» выпускала красивые шали под названием «каша». Фирма получала баснословную прибыль.

Почти в эти же годы английская фирма «Липнер» организовала крупное предприятие по выработке пуховых платков «имитация под Оренбург».

Заготовка и перевозка пуха за тысячи километров обходилась бизнесменам дороговато. И они нашли выход: зачем возить пух, лучше привезти коз, то есть приблизить к себе сырьевую базу. Оренбургских коз начинают скупать и увозить в Англию, Францию, Южную Америку, Австралию... Особую разворотливость в этом деле проявили французы.

В архивах французского Национального общества акклиматизации имеется документ, подтверждающий, что еще в 1664 году французский врач Бернье, побывавший в Тибете, увидел там прекрасные ткани и головные уборы из кашемира — те самые, которые иногда попадали на Запад и восхищали торговцев и по-

купателей. Бернье заинтересовало: откуда берется сырье для этих добротных изящных изделий? Вскоре он узнал, что дают его кашмирские (кашемирские) козы. Бернье тут же воспылал желанием развести таких коз во Франции. Однако эту затею начали осуществлять лишь через полтора века.

По поручению французских предпринимателей за кашемирскими козами отправился известный востоковед, профессор турецкого языка в Париже Жубер. В 1818 году он прибыл в Одессу и выяснил, что на территории между Оренбургом и Астраханью живут казахские племена и держат пуховых коз — дальних потомков кашемирских, которые через Киргизию пришли сюда с Тибета.

Жубер, исследовав пух оренбургской козы, убедился, что он намного качественней, чем у чистопородной тибетской. Профессор закупил 1300 животных. Отара была пригнана в Крым и на корабле отправлена в Марсель. Долгое плавание в душных трюмах выдержали только четыреста коз и несколько козлов. Однако французы горячо взялись за дело. За новоселами был налажен заботливый уход. Но, несмотря на все старания, козы стали безнадежно терять свои выдающиеся пуховые качества и в течение нескольких лет превратились в обычных.

То же самое произошло с животными, завезенными из Оренбуржья в Англию и Южную Америку.

Оренбургских пуховых коз переселяли и на Северный Кавказ, полагая, что прекрасные нагорные луга Домбая не хуже губерлинских. Прошло три года — и оренбургские козы «потеряли» пух. Так воздух и большое количество осадков в нагорном Домбае отразились на животных. Для созревания пуха нужны не только благодатные луга, но и особый климат.

В мае, как только схлынула вешняя вода, подсохли овраги и степь запылала от тюльпанов, я отправился

в дальнюю, 400-километровую дорогу — к знаменитым губерлинским чабанам. Ведь славой своей оренбургский пуховый платок во многом обязан не только искусным мастерицам-вязальщицам, но и многотрудному искусству козоводов. Начешут они хорошего пуха — значит, и платки получатся хорошие. Из плохого, «бедного» пуха даже опытная рукодельница не свяжет добрый платок.

Итак, к чабанам, в горы.

Удивительны они — Губерлинские горы! Гигантскими синевато-зелеными волнами бегут друг за другом, могуче громоздятся, сталкиваясь, будто безбрежный океан замер на миг и окаменел в самый разгар штормовой ярости. Но особо интересно вот что: Губерлинские горы не возвышаются над степной равниной, а лежат ниже ее. Мы не увидели их, даже приблизившись к ним вплотную. Дорога спокойно бежала по ровной, как аэродром, приуральской степи. Но вот степь стала волноваться, зачастили навстречу холмики, балки... Вдруг сердце холодком окатило, будто оказались мы в самолете, который резко пошел на посадку. Наш «газик» стал словно пикировать с высоты на дно огромной чаши, изрезанной ущельями, логами, гребнями гор, петлистыми ниточками ручьев. Вот она, Орская Швейцария!

Переехав по бревенчатому мостику через узкую речушку, стали взбираться на крутой, в зеленых поясах кустарников величественный холм... Кинешь взгляд с его вершины — дух захватит от красоты и простора!

Однажды, было это в июне 1887 года, здесь проезжал архипастырь, епископ Оренбургский и Уральский Макарий. Залюбовавшись красотой местоположения, владыка велел остановиться, вышел из экипажа и, сопровождаемый свитой, взошел на холм, называемый в то время горой Маячной. Взору его открылось прекрасное зрелище. От подошвы холма, на котором они

стояли, разбегались во все стороны горы, а на горизонте, в далекой синеве едва виднелся город Орск. Очарованный величием природы, красотой редкой и божественной, владыка совершил здесь со свитой своей, по сообщению газеты «Оренбургский листок», краткое молебствие и «преподал свое благословение на всю сию местность». Молитвенное слово владыки не осталось гласом вопиющего в пустыне. Оно немедленно перешло в дело.

Орский купец Иван Назаров, лстя местным священникам, в том же месяце соорудил на горе Маячной красный часовенный столб, украсив его позолотой, огромным дубовым крестом и иконою. И потекли к этому «владыкой окропленному со всех сторон богоявленной водою» сооружению сотни крестьян из ближайших хуторов «с женами и детьми и с восковыми огарками в руках». Шли нищие, юродивые, больные; ехали купцы, чиновники, городское преосвященство, чтобы преподать свое благословение горам и райской красоте. И текли в казну местных соборян медь и серебро. Божественная красота Губерлинских гор стала служить конкретным земным целям...

Узкая дорога суежилась: то нырнет в распадок, то, вильнув между скал, рывком, как на качелях, вознесет нас на гололобую вершину холма, то пострадает, пронося в метре от отвесного обрыва. Как горячая дикая лошадь, что норовит измучить и стряхнуть впервые обратавшего ее седока, так и наша дорога...

Первым устает «газик». В кабине скапливается знойный железистый запах нагретого металла. Спускаемся вниз, в овражек, к пульсирующей жилке ручья.

— Водички в радиатор дольем. Ишь, как распыхтелся-то, — сказал сидящий за рулем директор совхоза. — Во, какое наше хозяйство! За день не объедешь. Разовой заправки бензина не хватит. Горы...

Вода в ручье хрустально-прозрачна и холодна, пьешь-пьешь — и оторваться не можешь: когда еще придется попробовать такой вкусной водицы?

— У нас здесь сотни родников. А для коз проточная вода — что кумыс для человека, — говорит директор.

В племсовхозе «Губерлинский» — более тридцати тысяч животных. На земле много всяких коз, но такую уникальную породу, как губерлинская, встретить можно только здесь, в этих горах, раскинувшихся на четырехстах квадратных километрах.

Диковатая природа: синевато-перламутровые скалы в легких поясах тумана, увалы и ущелья, поросшие разнолесьем, просторные долины с рошицами берез и ромашковыми лугами. И всюду — закрой глаза и прислушайся! — всюду дремотный звон родниковых ключей. Прекрасные места для пастбищ!

Зимой здесь яркое солнце, ядреный морозный воздух, студёные метели... И должно быть, в защиту от лютого зимнего холода и немилосердной жары растет на козах подшерсток, пух — то самое сказочное руно, из которого вяжется знаменитый оренбургский платок. Перед поездкой на чабанские точки я заглянул в контору совхоза и, можно сказать, на ощупь ознакомился с этим драгоценнейшим сырьем. Девять тысяч рублей (по-нынешнему — долларов) за центнер — такова государственная цена пуха.

Пух оренбургской козы обладает выдающимися технологическими качествами: он эластичен, легок, нежен, у него низкая теплопроводность. По тонине и шелковистости он не уступает пуху ангорского кролика, а по крепости и растяжимости превосходит знаменитую мериносовую шерсть.

— Говорят, коза — животное, непривередливое к еде. Это так. Однако нельзя считать, что если коза пасется, то ее можно и не кормить, — помолчав, замечает

директор. — Кормовая база — забота номер один. Коза ест все — сено, овес, тыкву, ботву, отруби, ветки ивы, липы, вербы. Но это «все» надо иметь. У нас чабаны так и говорят: с худой козы и пух худой, «голодный».

В самом деле, можно спланировать всякие меры повышения племенного достоинства пуховых коз. Но что они дадут, если животное плохо кормить и содержать? В совхозе построены новые кошары, не жалеют средств на корма. Эти старания не напрасны. Улучшился классовый состав отар.

— Вот и резиденция старшего чабана, Габдрашида Халниязова, — указывает директор вниз на затянутую дымкой лощину.

Наш «газик» спускается в зеленую тишину межгорья. Подъезжаем к одиноко стоящему домику. Неподалеку — две длинные кошары с такой же шиферной крышей и так же, как домик, побеленные известью.

А вот и сам Габдрашид Жаумбаевич Халниязов. На лице — густой ровный загар. Пожатие руки сильное. Ему тридцать семь, но выглядит моложе: энергичный, худощавый...

Вскоре директор уехал в соседнюю отару.

Габдрашид и я одни в степи. Да, огромную равнину в межгорье вполне можно назвать степью: так просторна здесь даль, так высоко майское небо. Оно раскалилось и пылает ярким голубым огнем.

Габдрашид щурит карие глаза, словно вглядывается во что-то далекое, ускользающее. Рядом, в лощине, пасется отара. Многие козы острижены, а козлята в новых черных шубках. Недавно закончился окот. Козлятам по две-три недели. Они еще жмутся к матерям, ныряют им под брюхо, подтыкивают, выпрашивая молоко.

Травы много, молока много, козлята бодрые, довольные. Шелком шелестит и лоснится молодой ковыль.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66